

Галина Вольская

Мы из прошлого века

невыдуманные истории

Галина Вольская

**Мы из прошлого века.
Невыдуманные истории**

«Издательские решения»

Вольская Г.

Мы из прошлого века. Невыдуманные истории / Г. Вольская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503321-5

Я далека от идеализации советского прошлого и не претендую на глубокий, всесторонний анализ. Я просто рассказываю о своей жизни в те годы и о тех людях, что были рядом со мной, разумеется, субъективно, со своей точки зрения. Многих из тех, о ком я рассказываю, уже нет, кто-то еще живет и не во всем соглашается со мной. Я не судья вам, родные, просто одна из вас.

ISBN 978-5-00-503321-5

© Вольская Г.
© Издательские решения

Содержание

Утерянные дневники	6
Мои учителя	8
Наш класс	10
Как все	13
Отучили	14
Наше детство	15
Ты смотрел на меня	17
Юра	18
Аэлита в короне	22
Дядя Петя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мы из прошлого века Невыдуманные истории

Галина Вольская

Корректор Татьяна Дайнеко

Дизайнер обложки Валентина Гредина

© Галина Вольская, 2019

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3321-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утерянные дневники

Спрашивают иногда – когда я начала писать. Да вот как научилась, так и начала! Шутка, конечно. Начиналось, как у многих девочек, с заветных записных книжек, тетрадок, куда переписывались понравившиеся фразы, слова песен, стихи, порой короткие отрывки из книг, здесь же – вырезанные из журналов фотографии любимых артистов, сценки, какие-нибудь рисунки.

Желание разобраться в своих чувствах, рассказать об этом самой себе появилось у меня, когда впервые стала ходить на свидания с мальчиком в пятнадцать лет. Мальчик не очень нравился, мы с ним были слишком разные, но он очень активно добивался моего внимания, и почему-то не получалось оборвать окончательно все отношения с ним. Об этом и писалось на первых страничках дневника. Писалось неумело, зачеркивалось, исправлялось. Я перечитывала написанное, удивлялась своей глупости, пыталась переписать. Потом переписывать перестала, оставляла все, как есть, разве что добавляя пояснения в следующих записях. Склонность к наблюдению за людьми, обдумыванию их и своих поступков была, наверно, с рождения, множество прочитанных книг этому способствовало.

Стихи я в дневники записывала редко, для них была отдельная тетрадка, но понравившиеся отрывки из книг, вырезки, открытки, рисунки иногда включала. Тетрадки заполнялись не очень быстро, третью тетрадку я вела, уже учась на третьем курсе университета. Каждая из тетрадок имела свой подзаголовок, первая называлась «Ищу», вторая – «Нашла!», третья – «Я живу!!!». Хотелось жить именно так, с тремя восклицательными знаками, жадно упиваясь жизнью, используя каждую минуту для совершенствования, узнавания нового. И вроде бы все складывалось, как надо: интересная учеба, занятия легкой атлетикой, большая любовь, книги, театры, живопись. И вдруг все оборвалось на самой высокой ноте, выяснилось, что тот, кого я считала любимым и единственным, меня не любил, у него я была не одна. Ему была нужна физическая близость, он получал ее в другом месте, а все мои возвышенные мечты и фантазии его не слишком интересовали. Но что-то и во мне его продолжало привлекать, тем более та женщина вскоре стала ему изменять.

Окончились наши отношения достаточно печально для меня: разочарование, глубокая депрессия, попытка самоубийства, чуть не бросила университет в конце четвертого курса. В середине четвертого дневника длительное молчание, цитата из Ричарда Баха большими буквами: «ЧЕЛОВЕК, ПОМОГИ СЕБЕ САМ!», потом новые записи и подзаголовок этого дневника: «А знаешь, все еще будет...»

Другие подзаголовки я так четко не помню, их было много. Новые влюбленности и увлечения, новые разочарования, новые друзья. Окончила университет, стала работать. Семейная жизнь так и не сложилась, двоих сыновей с разницей в возрасте двенадцать лет я растила одна. Конечно, мальчикам не хватало отцов, они спрашивали о них, я обещала ответить на их вопросы, когда они будут постарше. Ну не показывать же им дневники, где так много сомнений, метаний, переживаний, возможно, губительных для не-сложившегося маленького человечка.

Первую повесть с названием «Тебе, мой сын» я написала для старшего сына, отдала ему в шестнадцать лет. А тут и второй сын подрастает, надо бы и ему объяснять, но началась перестройка – не то, что на объяснения, даже на обычные разговоры времени не стало. Работала до изнеможения, чтобы прокормить и одеть детей, дать им образование. Но время хотя бы для коротких записей в дневниках все-таки находила.

Тетрадок набралось уже двадцать штук. Разноцветные общие тетради, в основном по девяносто шесть листов, вобравшие в себя около тридцати лет жизни, а если считать и детские воспоминания, записанные здесь же, то и все сорок пять. Уникальный, неповторимый

опыт, ведь каждый человек уникален и неповторим. А здоровье из-за непосильной работы все хуже, вряд ли удастся все это обработать, как мечталось. Неужели все пропадет?

У одной из бывших сотрудниц дочка – профессиональный журналист, может быть ей будут интересны эти тетрадки? Поговорила с сотрудницей, та сообщила, что у дочери еще и свекор – член Союза писателей, дала мне почитать одну из его книг. Книга мне понравилась, я предложила сотруднице показать ему сначала несколько первых тетрадок. Она показала, попросила принести и остальные, я принесла. Условие было только одно – вернуть тетради хотя бы через несколько лет, когда закончится работа.

Прошло много лет, я и не думала, что доведется прожить еще столько. Та сотрудница уехала из нашего города, ее дочь развелась с мужем, бывший свекор умер. Тетрадки мне никто не вернул, нет никакой надежды на их возвращение, если даже они все еще целы, хотя вряд ли, кому нужен лишний хлам, сейчас даже классику выбрасывают. Я только в своей памяти могу перелистать хрупкие, пожелтевшие страницы, помогавшие мне в трудные минуты. Чаще всего я обращалась к дневникам именно в трудные минуты, выплескивая на их страницы ту боль, которую не хотелось нести людям. Радостью я с удовольствием делилась, о ней не надо было много писать, и, как сказал Лев Толстой, счастливые семьи счастливы одинаково.

Я продолжаю писать дневники, кроме тех утерянных двадцати тетрадок накопилось еще сорок шесть, сейчас тетрадки заполняются гораздо быстрее. Но те тетрадки были мне особенно дороги, в них моя молодость, лучшие годы. Многие мои рассказы, повести, миниатюры о том, что было в те годы и описывалось в тех тетрадках, восстановить время некоторых событий помогают фотографии в альбомах отца. Альбомы с подписями, датами к счастью сохранились, здесь я могу увидеть лица близких людей, хотя многих из них уже давно нет в живых.

Девять лет я на пенсии, семь лет занимаюсь писательским творчеством. Читаю по-прежнему много, все еще интересно, хотя думаешь порой: зачем мне эти знания, с собой унести? Говорю, рассказываю, чтобы поделиться тем, что довелось пережить, прочувствовать, передумать. Тратить время на продвижение своих книг, занимаясь рекламой, мне просто жалко, хотя не отказываюсь участвовать в некоторых презентациях. Но читать для зрителей прозу надо уметь, а стихи у меня слабоваты. Пишу и говорю я в основном о своем жизненном опыте, стараюсь не касаться тем, которые мне незнакомы.

Я программист, поэтому слишком хорошо знаю, как уязвима бывает электронная информация, как легко ее можно потерять, подделать, сфальсифицировать. Я до сих пор с гораздо большим удовольствием беру в руки любимые бумажные книги. И как бы мне хотелось перелистать снова старые тетради с заветными старыми записями! Тетрадки в разноцветных обложках, заполненные разноцветными чернилами. Чернила кое-где выгорели, поблекли, но я помню, как и когда это писалось, как дрожала и срывалась порой рука, подступали слезы. «А я все пишу и пишу одну бесконечную книгу своей жизни...» Нет ничего бесконечного и вечного? Наверно. Но так хочется верить, что есть!

Мои учителя

Учителя... Сколько их прошло за 10 школьных лет! Запоминающихся и не очень. Но самых любимых, необыкновенных только трое.

Сергей Дмитриевич Февралев преподавал у нас литературу в девятом и десятом классах. Уже седой, слегка полноватый, среднего роста. Самая четкая характеристика его внешности и манеры поведения – артистичность и интеллигентность. Вот он рассказывает, обводя внимательным взглядом класс, поднимая вперед руку, повелительным жестом заставляя затихать самых отчаянных шалунов. Его слушали.

Он не заставлял зазубривать строчки учебников, да и к учебникам обращался не слишком часто, у него были свои конспекты, планы. Никаких вязнувших в зубах штампов. При опросах характеристика каждого литературного героя звучала только один раз, никогда не заставлял повторять одно и то же по несколько раз. В сочинениях просил излагать в первую очередь свои мысли.

Услышал, что Оля Карпова не прочитала заданные отрывки «Войны и мира»: «Я вам завидую! Вам еще предстоит открыть для себя удивительный мир!»

Иногда, как бы мимоходом делился своими наблюдениями: «А я вот случайно увидел, как девушка разговаривала с парнем, а у нее на подбородке шелуха от семечек. По-моему, это не очень красиво».

Рассказал перед классом, что у руководителя школьного литературного кружка благоприятное мнение обо мне, а потом, заметив, что я болтаю и невнимательно слушаю: «Вероятно, я зря вас похвалил».

Были задания просто выучить и рассказать свое любимое стихотворение. Большинство мальчишек выбрало Щипчева «Любовью дорожить умеете» – меньше всего учить. Я почему-то остановилась на «Трусихе» Асадова. Оля Карпова рассказывала «Становлюсь я спокойной, а это ли просто». О других просто не помню.

Игорь Андреевич Шеин преподавал черчение все те годы, как оно появилось в школьном расписании. В шестом классе, кажется, как только закончилось рисование. Худощавый, лысый, с глубокими складками от носа ко рту, с ироничным взглядом темных глаз. Начинать с того, как нужно правильно затачивать карандаши: для тонких линий одно, для обводки, выделения – совершенно по-другому, особенным способом. Оценки в журнале «не портил». То есть за не выполненный вовремя чертеж ставил в журнале «единицу», а потом, когда чертеж принесли, исправлял эту «единицу», здесь же, в журнале на любую заслуженную отметку. С лодырями, теми, кто слишком долго тянул с выполнением задания, расправлялся по-своему. Вызов к доске и так наиздевается перед всем классом, что бедняга уже не знает, куда деваться от смущения перед хохочущими товарищами.

Вот он входит стремительной походкой в класс: «Кто дежурный? Чертеж оставьте, а все лишнее с доски сотрите. Это тоже, – кивая на верхний угол доски, где написано «Дураки вы все!» – это вы и так знаете!»

В то время в школах в виде эксперимента вводилось производственное обучение, и наш «десятый первый» сформировали наполовину из «чертежников» (пытались подготовить из нас чертежников-деталировщиков, но остановились на чертежниках-копировщиках) и «шоферов» (они ходили на автобазу, обучались вождению). Один день в неделю полностью посвящался производственной практике. У нас – чертежников производственную практику вел в основном Игорь Андреевич. Часть занятий проходила в школе, часть – в здании Оргпроектцентра, была у нас тогда такая организация. Игорь Андреевич именовал нас гордо «мои чертильщики», нередко делился с нами на занятиях своим мнением о политике, о некоторых писателях, литературных произведениях.

Один раз я, прокатавшись допоздна на катке, делала чертеж поздно ночью, второпях, получилось что-то совсем немислимое. Игорь Андреевич посмотрел: «Ну, знаете! У меня такую изометрию даже ослы в седьмом классе не изобретают!» Я молчу, сказать нечего, а Люда Авдеева возмутилась: «Чего это вы оскорбляете!» Игорь Андреевич так обиделся: «Я к вам со всей душой! Не буду вам больше ничего рассказывать!» К счастью, обида вскоре прошла, и рассказы возобновились.

Любой – из получивших эту специализацию мог красиво оформить стенд, что немало важно было по тем временам, выполнить грамотный чертеж. Некоторые девочки, не поступившие сразу после окончания школы в высшие учебные заведения, работали в Оргпроектцентре на разных должностях.

Людмила Митрофановна Кошкина была нашим классным руководителем в старших классах, преподавала математику. Что-то в ней было такое уютное, домашнее. И тоже свой подход к преподаванию. Некоторые задачи необходимо было решать всем, некоторые – только тем, кто претендовал на высокую оценку. Иногда на уроке предлагалось: кто решит эту задачу первым, получит «пять». Мы старательно решали, Людмила Митрофановна наблюдала за нами, негромко включив небольшой приемник. К слову сказать, класс у нас был сильный, как-то так подобралось, может быть благодаря специализации. Больше половины учились без «троек», почти все впоследствии получили высшее образование.

Доказывать теоремы у доски обычно вызывались более слабые ученики, мне не приходилось. Но в тот раз мы что-то слишком сильно разговорились с Леной, сидя на второй парте недалеко от учительского стола. Людмила Митрофановна подняла меня и предложила доказать теорему. Естественно, я не знала и получила «двойку». Мне это показалось так обидно, тем более болтала я не одна! На перемене я не смогла сдержать слез, расплакалась прямо в классе, Людмила Митрофановна утешала меня так по-матерински. «Двойку» я потом исправила, но когда провалилась первый раз на экзамене по математике в университете, Людмила Митрофановна мягко пожурила: «А я говорила тебе, что ты не дорабатываешь». Во второй раз я все сдала без проблем.

Оклады у учителей и тогда были небольшие, но занимались с каждым, нередко оставаясь после уроков, чтобы помочь отстающему ученику, не требуя от родителей дополнительной оплаты. Миша Савенков, окончивший потом военное училище, прошедший Афган, получивший второе юридическое образование, вспоминал, сколько возилась с ним Людмила Митрофановна, давала задание на лето, заставляла учиться.

А вот с учителями по английскому языку нам не везло. Сначала они у нас очень часто менялись: уезжали, выходили замуж, переходили на другое место работы. Полгода вообще не было преподавателя. В восьмом классе преподавала Вера Семеновна. Наверно, знания у нее были неплохие, но она совершенно не умела держать дисциплину. На ее уроках разговаривали – чуть ли не в голос, вставали, подсказывали, перебрасывались записками, подкладывали пистоны под ножки стула. Каждый урок превращался в какой-то кошмар и для нее и для тех, кто хотел что-то услышать. Она не жаловалась: видимо, надо было доработать до пенсии. Выходила иногда из класса, стояла за дверью, собираясь с силами, возвращалась опять в наш «зверинец».

Английский, особенно английский разговорный, я так и не смогла по-настоящему выучить, хотя он крайне необходим был мне в работе.

Жаль, что теплые слова, которые надо было сказать учителям, приходят, когда учителей уже нет, они не могут услышать эти слова. Вечная им память.

Наш класс

Я вспоминаю школьные годы. Простите, мои родные, если кого-то нечаянно задену, обижу или просто забуду. Я не беспристрастный исследователь, а всего лишь одна из вас, со своими недостатками и ошибками. Многого прошло мимо меня, особенно в начальных классах. Я долго не могла влиться в школьную жизнь, потому что не ходила в детский сад, росла с мальчишками, друзьями брата, и по району, как тогда распределяли школьников, относилась совсем к другой школе. Школа, в которой я должна была учиться, была восьмилетняя. Меня же с помощью отца определили в десятилетнюю школу, в ней уже учился мой старший брат. В классе Зинаиды Михайловны оказалось больше 40 человек. Ей трудно было работать с таким количеством детей. Однажды она высказала мне, опоздавшей к началу занятий:

– А ты вообще, зачем пришла? Ты должна учиться в восьмой школе, вот и иди туда!

Я ушла со слезами, но недолго переживала эту обиду, зато Зинаида Михайловна сама запомнила и вспоминала потом при встрече через много лет, когда мы приходили к ней с одноклассниками. Такого класса у нее больше не было, и на ее похороны пришли только ученики нашего класса, как будто она не учила других.

В пятом классе нас разделили, некоторые попали в параллельные классы, кто-то уехал, перешел в другую школу. После окончания восьмого класса многие ушли в техникумы и училища, но часть нашего первоначального состава попала в «девятый первый» класс. Тогда практиковалось производственное обучение, то есть пытались дать школьникам какую-нибудь профессию: швея, кулинар, шофер. У нас были «шоферы» и «чертежники». И, может быть, благодаря этой второй профессии в «девятом первом» собрались сильные по сравнению с другими классами ученики. Большинство учились без «троек», но и те, у кого эти «тройки» были, почти все получили высшее образование, приобрели в дальнейшем хорошие профессии. Не все поступили в институты с первого раза, некоторые учились на вечернем, заочном отделении. И здесьгодились полученные специальности, работали в «Оргпроектцементе», где мы проходили производственную практику.

Всматриваюсь в такие родные и близкие лица на фотографии. Вот стоят в разных концах четыре подруги, дочери офицеров, «ДОСовские», как мы их называли. Они жили в домах офицерского состава – ДОСах, пришли к нам в девятый класс из девятой восьмилетней школы. Все красавицы и умницы: лучшая ученица по математике Аля Парфенова, кокетливая, очень уверенная в себе Таня Переверзева, слегка мечтательная Оля Юдина, серьезная Ира Трофимова. С мальчиками из ДОСов – Мишей Савенковым, Пашей Мамуней, Юрой Вьюшкиным я училась еще в восьмом классе. Высокий узкоглазый и горбоносый Миша Савенков стоит в заднем ряду. Остроумный насмешник, он не отличается большими успехами в учебе, но, как выяснилось позднее – при нашей встрече через 40 лет, уже в это время пишет стихи.

Я восхищен Ронсаром Пьером Де
Куда мне до Ронсара Пьера Де —
Талант, по яркости приравненный к звезде.
В нем классика от Греции до Рима
В строфу легла и в том неповторима:
Легка, изящна и полна ума;
В стихах видна краса Вандомуа,
Простор лугов в излучине Луары;
Все прелести весеннего утра
В стенах Ла-Поссоньерского угла.
В них пажеский задор, любовное томленьё,

Бег времени и ветра дуновенье,
Гармония и глубина везде.
Я восхищен Ронсаром Пьером Де.

Мы с ним не обращали внимания друг на друга, но иногда я вдруг замечала скошенный в мою сторону со второй парты первого ряда взгляд узкого глаза. Было, Миша? Не помнишь?

Там же, в задних рядах стоят брат и сестра Витя и Сима Дуранины. Сима стала женой брата Миши Савенкова, сейчас вдова. А Миша окончил военное училище, прошел Афганистан, получил там ранение в позвоночник. Стал полковником, имеет государственные и иные награды. Уволившись в запас, стал активным участником правозащитного движения на Урале. В судах города и области бесплатно представлял интересы членов свободных профсоюзов и малоимущих граждан. В настоящее время работает адвокатом. Это я сейчас цитирую строчки из его биографии на небольшой книжке его стихов, напечатанной издательским домом «Уральская государственная юридическая академия».

Рядом с Таней Переверзевой Сережа Журавлев. Учился не блестяще. Когда-то меня «прикрепляли», была у нас такая практика, помогать ему по математике, тем более жил он недалеко от меня. Приходил ко мне пару раз, занимались, но что-то ни помощи, ни дружбы у нас не получилось. Сережа окончил Вольское военное интендантское училище. Попал на крупную недостачу, его отец выплатил все долги, но из армии пришлось уйти. Он не один такой, не каждый может противостоять требованиям и аппетитам начальника. Пользуется начальство, а отвечать интенданту. Вот Слава Алексеев сумел вписаться в эту систему, дослужился до звания подполковника, вернулся в наш город, когда вышел в отставку. Со Славой мы учились с первого класса, так же как с Наташей Щербаковой, Леной Поздновой, Людой Авдеевой. Наташа стала моей первой школьной подругой, Лена – второй. С Леной мы дружили с седьмого класса, четыре года сидели за одной партой. Девочка из очень интеллигентной семьи, дед – заслуженный врач РСФСР, бабушка – медсестра, мать – блестящий хирург, специалист по операциям на глазах, также как и дед. Врачебная династия. Лена также стала врачом-офтальмологом.

Галя Степнова, которая стала моей подругой после школы на долгие годы и, наверно, на всю оставшуюся жизнь, стоит с краю в первом ряду, на лицо падает световое пятно. Тоже врач, только акушер-гинеколог.

Здесь же в первом ряду наша золотая медалистка Таня Щербакова, «Чижик», как ее ласково называла дружившая с ней тогда Галя Степнова. Окончила институт иностранных языков, живет с семьей в Нижнем Новгороде. Наташа Китаева выделяется темными волосами и бровями и светлыми глазами. Это сейчас легко приобрести любой оттенок волос и бровей, мы еще не красились. Разве что Таня Полубаринова вымыла как-то по чьему-то совету голову луковыми перьями и удивляла всех изумрудным цветом. Наташа Китаева долго дружила с парнем татаринном, но жениться на русской родня ему не позволила. Говорят, Наташа так и не смогла создать семью.

В левом верхнем углу стоят рядом трое учеников нашего класса, которых уже нет в живых. Нет нашего блестящего математика, «Пифагора» Жени Юдина. Ходили с ним вместе в литературный кружок, декламировали на школьных вечерах по очереди отрывки из «Реквиема» Роберта Рождественского. Не запомнила отрывок Жени. У Али Парфеновой было душевное:

Если выплаканы глазоньки,
Сердцем плачут матери.
А у меня патриотическое:
Разве погибнуть ты нам обещала, Родина?

Жизнь обещала, любовь обещала Родина.
Разве для смерти рождаются дети, Родина?
Разве хотела ты нашей смерти, Родина?
Славы никто у тебя не выпрашивал, Родина.
Просто был выбор у каждого – я или Родина.

С Женей Черенковым мы сидели за одной партой в шестом и в начале седьмого класса. В десятом классе в кабинете химии, где столы на троих, он сидел со мной и Леной. Часто рассказывал что-то смешное, мы с Леной смеялись, а Лидия Ильинична злилась на нас с Женей, принимая смешки на свой счет. Лену как соседку, девочку из уважаемой семьи она в этом не подозревала. Женя и Лена поступили в Саратовский медицинский институт, учились в одной группе. Женя распределился на военную кафедру, служил за границей, был ранен в голову.

Таня Кузнецова, любимая «чертильщица» Игоря Андреевича. Именно ее четкий, красивый шрифт он ставил нам всем в пример. Окончила политехнический институт, работала строителем в той же воинской части, что и я. Всегда в брюках, когда они были еще не очень распространены, грубоватая, с мужскими повадками. Замуж не вышла, жила с матерью. После смерти матери незаметно пристрастилась к спиртному. Нашли убитой в ее квартире. Расследованием не очень-то занимались, некому спрашивать.

В классе сравнительно много однофамильцев: Кузнецовы Таня и Нина, Юдины Оля и Женя, Щербаковы Таня и Наташа. Не считая брата и сестру Витю и Симу Дураниных

Лида Токарева. Скромная прическа, опущенные глаза. Она и сейчас такая. Окончила медицинский институт, хороший врач, хороший диагност. Володю Завгороднева я всегда считала слишком легковесным, «мотыльком». Военное училище тыла, дослужился до полковника, живет в Москве. Очень спортивная, прямолинейная Люда Авдеева живет и работает в Вольске, инженер. Экономист Наташа Пантелеева, врач-стоматолог Наташа Седова, инженер Юра Вьюшкин.

Нет на фотографии нашей отличницы Милы Хижняк, задорного комсорга Оли Пожарской. Незадолго до окончания школы им пришлось переехать с родителями в другие города. Но Оля приезжала на 40, 50, 60 лет со дня выпуска. У Милы не получилось с транспортом.

Не знаем ничего о судьбе Валеры Кравченко, Володи Кожина, Саши Григорьева. На наших встречах присутствуют и те, кто не доучился с нами до десятого класса, ушли после восьмого. Всегда рады их видеть.

Очень хотелось бы еще встретиться со всеми, нам есть о чем поговорить и что вспомнить. Заканчиваю словами песни Александра Розенбаума:

«Родные, нас в живых еще не так мало!
Поднимем, поднимем за удачу на траве шалой,
Чтобы ворон да не по нас каркал,
По чарке, по чарке!»

Как все

Как в нашем детстве был силен страх оказаться не такой как все! Объявили накануне, что надо прийти в белых фартуках вместо обычных черных, а ты прослушала, пропустила мимо ушей. И вот на другой день все в белых фартуках, а ты одна среди них, как белая, нет, скорее, одна черная ворона среди белых. И все вроде бы смотрят на тебя с насмешкой, осуждением. Да не вроде бы! Могут и посмеяться, и высказать, и не знаешь, куда деться с этой своей непохожестью на других.

А я к тому же выделяюсь ростом, возвышаюсь среди низеньких одноклассниц, вся на виду. Так и хочется ссутулиться, подогнуть колени, присесть. Представляю, каково сильно вытянувшемуся за лето Ростиславу Алексееву. Наша Людмила Митрофановна задирает голову, чтобы посмотреть на него снизу вверх: «Ну, Ростик, у тебя и ростик!» На школьных вечерах также невысокие одноклассники предпочитают приглашать других.

И держаться легко, непринужденно, болтать обо всем, что придет в голову, у меня не получается.

Я не стремлюсь непременно бегать по улице в стайке оживленных подруг, мне часто интереснее провести время с хорошей книжкой. Не участвую в бурном обсуждении недостатков других девчонок. Не тяну руку на уроках: «Я, я отвечу!», даже если знаю ответ на вопрос. Ну, не всегда потому, что мне этого не хочется. Порой просто не хватает сил, мешает излишняя скованность и застенчивость

Хочется танцевать, но в младшую группу танцевального кружка меня не берут из-за высокого роста. В средней группе разучиваем танец с лентами, но выступают на школьных вечерах более живые и подвижные девочки. В спектакле «Золушка», поставленном на английском языке нашей учительницей, мне предлагают только роль молчаливой гостьи на балу.

Хорошо мне только дома с братом, с друзьями – мальчишками, на Волге, за Волгой с отцом. Здесь я не чувствую себя изгоем, белой вороной, не стремлюсь ссутулиться и подогнуть колени.

Уже позднее, на работе, не тороплюсь высказывать свое мнение, отличающееся от мнения других. «Коллектив всегда прав!»

Некоторые мои поступки идут вразрез с общепринятыми правилами поведения. Не преступление, конечно. Но вот ребенок без отца, и не потому, что мне именно так хочется.

– Это что? Вызов обществу?

– Нет, я поступаю так, как я могу.

Так, чтобы самой не потерять уважения к себе. Дорожу в первую очередь мнением близких друзей, а не тех, кто обсуждает меня на скамейках у подъезда. Не хочу ломать и менять себя в угоду сплетницам.

Убеждаю своего четырехлетнего сына встать в хоровод у елки:

– Ну, пойдем, видишь же, все детки в хороводе.

– Все пусть, а я не хочу!

Смотрю на него с удивлением и перестаю настаивать. Пусть не появятся снова те, кто будет стремиться уравнивать всех под одну гребенку. Выпрямись, Павлик! Не сутулься!

Отучили

Многие из нашего поколения любят с восторгом вспоминать наше октябрятско-пионерско-комсомольское детство. Я, как и все, прошла все эти этапы, но почему-то без большого восторга. Проблемы со здоровьем у меня были с самого рождения, но никто на это особенного внимания не обращал. Жили после войны трудно, лишний ребенок не радовал, самим бы прокормиться. Аборты запрещались, но многие все равно избавлялись от ненужных беременностей. Я была вторым и не очень желанным ребенком, росла слабой, не могла мыться даже в общем отделении бани, теряла сознание. Из-за меня родителям и брату приходилось высиживать длинные очереди, дожидаясь билетов в отдельный номер в бане.

В пионерский лагерь меня отправляли дважды, когда перестраивали наш дом. В первый раз со мной были брат и двоюродная сестра. Во второй раз только сестра, брат ехать отказался. Каждый день в лагере начинался с линейки. Всех выстраивали на площадке в центре лагеря, решали организационные вопросы, объявляли распорядок дня для каждого отряда.

Мне было трудно долго стоять на солнцепеке, темнело в глазах, и я имела неосторожность пожаловаться на это медсестре. Через несколько дней наш отряд должен был отправляться в двухдневный поход по лесу. И тут медсестра вспомнила о моей жалобе. Все ушли, а меня одну из всего отряда оставили в лагере. Я горько рыдала в уголке общей спальни, но никто меня не видел и не слышал.

Сейчас я думаю, что у меня был, скорее всего, какой-то врожденный порок сердца, частично компенсировавшийся со временем. В обмороки в очередях и в душных помещениях я падала всю жизнь. Но я научилась чувствовать приближение обморока и старалась сесть или выйти на свежий воздух, если это было возможно. Несколько легче стало после первых родов: я наконец-то смогла мыться в бане и мыть сына. Позднее я постепенно приучила себя пользоваться парной и сауной. От уроков физкультуры в школе никогда не отказывалась, во время учебы в университете занималась сначала в лыжной секции, потом перешла в секцию легкой атлетики. Подниматься в гору мне тяжело, а идти и бежать по ровной местности могу довольно долго. Очень люблю ходить по лесу, собирать грибы, ягоды, с удовольствием сижу с удочкой на реках, озерах.

К врачам обращаюсь очень редко, в самом крайнем случае и почти никогда не жалуясь на свое здоровье. Отучили. Может быть, оно и к лучшему.

Наше детство

Мои ровесники и не только они любят иногда романтизировать наше детство. Вспоминают, как мы пропадали целыми днями на улице, играли в игры, ходили везде одни без родителей, ничего не боялись. Ходили, играли, родители были заняты. Кроме того, что у них был всего один выходной день – воскресенье, им хватало еще тяжелой домашней работы. Воду надо было носить из колонки, стирать в корыте, готовить в печи. Дрова заготавливались в лесу, их надо было привезти, распилить, наколоть, сложить в сарай. В холодные дни каждый день топили печки, причем трубу надо было закрыть вовремя, чтобы не угореть, но и не упустить необходимое тепло. Дети росли сами по себе, заниматься с ними было некогда.

Наш дом и тогда был двухэтажным, перестраивался позднее на две семьи для сестры отца. А сначала все комнаты были наверху, внизу – только большая кухня с русской печью и темный чулан без окон. Спускались и поднимались по крутой деревянной лестнице. Каждый из обитателей дома падал с этой лестницы хотя бы раз. А бабушка вообще как-то забылась, поливая цветы на подоконнике возле лестницы, шагнула назад и сильно расшиблась, упав спиной в лестничный пролет. Вечером надо было наступить на подоконник окна в кухне и повернуть выключатель за зеркалом. При свете по полу во все стороны разбежались крупные черные тараканы.

Иногда мы с братом устраивали на этой лестнице бои местного значения, вооружившись ухватами и кочергами. Я не сдавалась, хотя была младше на два года и, конечно, слабее.

Мама очень любила ходить в кино, они с отцом старались не пропускать новые фильмы. Последний сеанс в кинотеатре начинался в 10 часов вечера. Мы с братом оставались вдвоем. В один из таких вечеров, играя наверху, мы услышали, что внизу кто-то ходит. Подойти посмотреть страшно, и мы стали переговариваться как можно громче:

- А где мое ружье?
- Да вон оно, на кровати.
- А бомба?
- Под кроватью лежит, ты что, забыл?

Мы продолжали придумывать все новый и новый арсенал, пока шаги не стихли. Потом выяснилось, что это соседка бабушка Шура зашла проведать, зная что дети одни.

Длинный верхний коридор с небольшой лесенкой и двумя парадными дверями – на улицу и во двор тянулся вдоль всего дома. Ходили обычно через короткий нижний коридор. Входили на кухню, оттуда поднимались в комнаты. Мы часто играли в верхнем коридоре: там сплошные окна, светло. Во время дождя мне захотелось высунуть руку наружу. Недолго думая, я схватилась другой рукой за разбитое стекло, подтянулась. Потекла кровь, брат перевязал мне руку, как сумел. Мать упала в обморок, забежав домой в свой обеденный перерыв и увидев следы крови и мою замотанную какими-то тряпками руку.

Под машину я попала днем, бабушка была дома, что-то готовила. Мы с мальчишками играли на противоположной стороне улицы. Я прибежала домой за мячиком, вернулась, но мальчишек на прежнем месте не было. Они закричали мне из переулка:

- Беги скорее сюда, пароход смотреть!
- Там машина.
- Она еще далеко, скорее, а то пароход уйдет.

Я бросилась бежать через дорогу, машина вдруг оказалась совсем рядом. Я остановилась, повернулась, хотела бежать назад. Водитель уже тормозил, но все-таки ударил меня колесами. В больнице определили перелом ключицы и трещину таза. На руку наложили гипс, а ногу просто велели не сгибать. Конечно, я сгибалась, трудно все время лежать на спине в одном положе-

нии. Ходить после этого пришлось учиться заново. Нога и сейчас иногда болит перед переменной погодой.

В городе две впадающие в Волгу речушки Малыковки – Верхняя и Нижняя. Мы играли на Нижней, возле кожзавода. Там была круглая бетонная башня, из которой в речушку стекали разноцветные вонючие воды. Речку перед башней перегораживала плотина. С одной стороны плотины глубокая черная вода, с другой – высокая бетонная стена. По стене стекают ручейки из запруды, и здесь же воды из башни. На дне вязкая, зловонная тина. Над плотиной узкая бетонная полоска без перил, соединяющая берега. Вот на этой полоске мы любили испытывать свою храбрость:

– Не пройдешь! Не пройдешь!

– Пройду!

Ходили в любое время года. Зимой по этой обледеневшей и засыпанной снегом полоске иногда на лыжах. Тося сорвалась в воду в осеннем пальто. Успели ее уцепить за капюшон, вытащить и прибежать с ней, намокшей и продрогшей, домой.

А Генку не спасли. Его подначили друзья, и он схватился за оборванный провод электропередачи. Толя долго лежал в больнице после того, как его избил местный сумасшедший Митя. Мальчишки дразнили Митю все вместе, но другие успели убежать, а Толя не успел.

Летом мы все дни проводили на Волге. Купались до посинения. Приходилось разводиться на берегу костер и греться в тридцатиградусную жару. Домой забегали только поесть. На железнодорожных путях у Волги часто стояли товарные вагоны, загораживая дорогу. Мы перелезали через их площадки, иногда под вагонами. На веслах переправлялись на небольшой лодочке с плоским дном на другой берег Волги.

Конечно, это было веселое и счастливое детство, на то оно и детство. Но я бы не стала его идеализировать.

Ты смотрел на меня

Когда я училась в школе, в восьмом классе, в нашей же школе классом старше учился парень, который всегда смотрел на меня. Смотрел на школьных переменах, на линейках, на вечерах. Смотрел, когда я пела в хоре на сцене. Смотрел на катке. Он не катался на коньках, но тогда многие приходили на каток просто так. Приходили посмотреть, послушать музыку, встретиться с кем-нибудь. Он смотрел на меня, когда мы собирались на праздничные демонстрации. Смотрел, когда просто видел меня в городе. Я спиной чувствовала в толпе взгляд, оборачивалась и встречалась с ним глазами.

Он никогда не пытался подойти ко мне, заговорить, пригласить меня на танец. Просто смотрел.

Мои подруги тоже замечали его взгляды, подсмеивались над ним и надо мной. У него был зеленоватый пиджак, и они называли его «зеленым». У него отросли длинные волосы, и он получил прозвище «семинарист». Подстригся и стал «расстригой».

Я знала его имя, фамилию, в каком классе он учится, что у него есть младшая сестра тоже в нашей школе. Знала, что учится он не очень хорошо, девочек у него много, он встречается то с одной, то с другой. И все.

Самая шустрая из моих подруг как-то объявила на спор, что подойдет и угостит его конфеткой. Действительно подошла в школьном буфете, сунула ему конфету:

– Это вам!

Он растерялся:

– Нам?

– Вам, вам!

И ушла. Это ничего не изменило. Я все также встречала его взгляды, но он не подходил ко мне.

Конечно, это было лестно в какой-то степени. Да и мало ли какое бывает настроение. Идешь иногда уставшая, унылая. Но видишь его глаза и поневоле выпрямляешь спину, поднимаешь голову.

Потом я уехала учиться в другой город, приезжала домой на праздники, на каникулы. Но идешь, например, к катеру на пляж, а на пристани он. Смотрит. Смотрели на меня и другие, но так пристально, открыто больше никто.

Жизнь у меня складывалась не совсем удачно, не очень везло в личной жизни. Я уезжала далеко, снова вернулась в свой город. Больше я того парня не встречала.

Прошло уже очень много лет. У меня взрослые сыновья, растут внуки. Никто на меня не смотрит давным-давно. А вот ведь вспомнилось же! Здорово все-таки, когда смотрят! Выпрямляется спина и поднимается голова.

Юра

Что там говорят о нас: замолчанное, лишнее, заткнутое поколение? Но мы жили, учились, работали, любили.

Одной из дивных сказок моей молодости был каток в городском парке. Каждый вечер там зажигались прожекторы, играла музыка, собиралась молодежь со всех концов небольшого приволжского городка. Покупали билет в кассе у входа, переодевались в тесной раздевалке, натягивали коньки и выходили на лед. Фигурные коньки тогда были большой редкостью, обходились простенькими «дутышами» или повыше, с закругленными носами-«канадками». Катались обычно по кругу вдвоем, реже втроем, держась за руки. Кое-где скользили особенно шустрые одиночки.

Я встала на коньки сравнительно недавно, держалась неуверенно, предпочитала кататься вдвоем с кем-нибудь из подруг. Или мальчиков. Как-то находились желающие помочь мне в обучении. Провожали до дома, один пытался назначить свидание, я еще ни разу ни к кому не приходила.

В этот раз катаемся с Олей. Скоро уже закрытие катка, народ постепенно расходится. Стоим у сугроба, ну еще круг! Подкатывают двое:

– Девочки, поедем!

Оля неожиданно отвечает:

– Поедем!

Легкое замешательство, вроде как не ожидали согласия, хотят отойти.

– Что же вы? Сами приглашаете, а теперь уезжать?

Один решительно шагает ко мне, берет за руку, второй подъезжает к Оле. Мой спутник представляется: «Саша», друг его окликает: «Юра!» Завершаем круг, пора собираться домой, идем переодеваться. Выходим из парка, Юра ждет у ворот. Провожает меня до дома, я сообщаю ему свой номер телефона, договариваемся о новой встрече на катке.

Мы снова с подругами на катке, на этот раз втроем. С подругами мы учились вместе с первого класса, но после восьмого класса Оля поступила в медицинское училище, Люда – в технологический техникум, студентки. Я осталась в девятом классе, школьница. Катаемся час, второй, Юры нет. Люда подсмеивается: «Ну и где же твой Шура-Юра?» День морозный, ветреный, кататься не очень комфортно, решаем уйти. Юра встречает нас уже на выходе:

– Куда же вы?

– Домой, мы замерзли.

Хватает меня за руку:

– Не уходи, я из-за тебя сегодня в вечернюю школу не пошел!

– Но сегодня, правда, холодно!

Зло смотрит почему-то на Люду:

– Это все из-за тебя! Я тебя зарежу!

– Не смей так разговаривать с моими подругами!

Он крепче сжимает мою руку, не отпускает. Я вырываюсь.

– Да и вообще, кто ты такой! Я ни от одного мальчишки грубого слова не слышала, а ты хватаешь, угрожаешь! Я не хочу тебя больше видеть!

Мы уходим. Больше я с ним не встречаюсь, на звонки отвечаю отказом. А он звонит, просит о встрече. Зима закончилась, на каток мы уже не ходим. Очередной звонок где-то в апреле, назначает место встречи:

– Ты придешь?

– Нет, не приду.

– Ну, тогда я сам к тебе приеду.

– Приезжай, мне-то что.

Сказала и забыла. А через какое-то время забегает двоюродная сестра, мы живем в одном двухэтажном доме на разных этажах.

– Там тебя твой одноклассник спрашивает, выйди.

Выхожу в недоумении, стоит Юра:

– Что же мне перед тобой на колени встать?

– Нет, на колени не надо.

– Пойдем, погуляем..

Я иду. Прогуливаемся с ним по улицам, договариваемся о новой встрече.

Он первый, к кому я пришла на свидание. Гуляем по улицам, берегу Волги, идем в кино, в парк. Провожает, целует в сомкнутые губы, прижимает, преодолевая сопротивление моих рук. Он красив – высокий, светловолосый, большие зеленые глаза, прямой нос. Идем рядом, девочки поглядывают на него. Но... Я пытаюсь рассказать о волшебной ночи на Волге с родителями. Палатка в ложбинке между холмами, вокруг лес, тишина, высокое звездное небо, шелест волн. Тихая музыка с проходящей мимо баржи, как будто поет сама вода... «Да, неплохо». С ним бесполезно говорить о любимых книгах, стихах. Я прихожу к нему, собираясь сказать, что мы не будем больше встречаться. Что-то останавливает. Жалость? Мы ссоримся, он уходит, я вижу его в парке, на улицах с другими девчонками. Потом начинаются опять звонки:

– Ты придешь?

– Не звони мне, Юра! Что тебе мало других девчонок?

– Девчонок-то много, да ты одна.

И при встрече:

– Я бы тебя любил, да ты меня не любишь.

Встречаюсь с другими, оканчиваю школу, уезжаю учиться в Саратов. Слышу, что он вроде бы женился на одной из квартиранток своей бабушки.

Приезжаю на каникулы после третьего курса, потеряв самую большую, как мне тогда казалось, любовь своей жизни. Идем с подругой в парк. Что-то знакомое в том, кто стоит ко мне спиной в группе парней. Оборачивается – Юра. Здравуюсь, вроде бы знакомы. Он подходит, идет рядом со мной, провожает до дома, говорим о чем-то незначительном. Он развелся, живет вроде бы в Балаково, приехал на похороны отца, просит о встрече. Встречаемся на следующий день.

– Выходи за меня замуж.

Я теряюсь, что-то бормочу о своих стремлениях, целях.

– Я понимаю, ты учишься, я работаю, мне будет труднее.

– Что ты хочешь в жизни, Юра?

– Первое – жениться, второе – жить.

Я о мечтах, хотела бы писать...

– Да, неплохое занятие, особенно в такую дождливую погоду.

Подходим к моему дому, Юра стоит под дождем, сгорбившийся, нахохленный.

– У меня только один вопрос: мы еще встретимся?

– Я не знаю. Стоит ли, Юра?

– Нет, не стоит.

Уходит. Чувствую себя наивным ребенком, все где-то в облаках, в мечтах, никакой реальной почвы под ногами.

Я снова в родном городе. Позади нервный срыв, очередные предательства, Живу с сыном в отцовском доме, родители получили квартиру, переехали в другой район. Работаю в воинской части.

Звонок по телефону, снимаю трубку.

– Узнаешь?

– Юра?

Просит о встрече, хочет увидеть. Встречаемся на автобусной остановке. Стал еще красивее, светлые волосы почти до плеч, густые пряди живописно падают на лоб, резко обозначились скулы. Женат, дети, живет на АЦИ – одна из вольских окраин, рабочий поселок при заводе асбоцементных изделий, шифер, короча, делают. Говорит о любви, любил всегда, помнил.

– Я же вредная такая была, Юра!

Уходила, если он хотя бы немного опаздывал на свидание. А ему ехать на автобусе еще с одной городской окраины Привольска, автобусы ходят плохо.

– Хорошая была!

Встречаемся мимоходом, ждет иногда с работы, появляется у проходной.

Приходит пьяный, сидит у меня на веранде. Поднимается с нижнего этажа мой двоюродный брат, брезгливо поднимает его за шкуру:

– Это что? Куда его – туда? Сюда?

– Да ты что! Да я сидел!

– Мало ты сидел! Ты с какими намерениями к моей сестре пришел? Если с хорошими, оставайся, с плохими – лучше уходи!

Смотрю с удивлением, я еще не видела таким моего добрейшего Сережу. А Юрка вдруг поворачивается и уходит, вроде бы подтверждая второй вариант.

Возвращается через какое-то время, замерзший, дрожащий.

– Галка, мне так плохо! Налей что-нибудь горячее.

Остается. Его губы со знакомым с детства горьковатым привкусом сигарет... Следующий день – выходной. Мы договаривались с одноклассниками идти к нашей первой школьной учительнице, встреча на площади. Юра идет со мной, но потом отходит в сторонку, уезжает домой.

Опять мимолетные встречи. Подходит к проходной в обеденный перерыв. Запомнил, что один из моих одноклассников – врач-психиатр, нарколог. Юра пил две недели, не ходил на работу, хочет, чтобы Михаил написал ему справку о том, что он в это время проходил лечение от алкоголизма, тогда не выгонят. Иду с ним к Мише, добываем нужную справку, Миша рекомендует действительно серьезно полечиться.

Время летит. Самоубийство отца. Я отдаю дом брату и перехожу к матери. У меня второй сын от любимого, но никогда не будем вместе, человека. У него семья, живет далеко, в Новосибирске.

Живу в квартире родителей. Звонок в дверь, открываю – Юра.

И снова о любви, какие-то покаянные слова: «Если бы ты знала, как мне было трудно к тебе прийти, я тебе помогу». Он почему-то решил, что мой второй ребенок от него. Объясняю его ошибку, не совпадает ни по каким срокам. Дом его бабушки (она умерла) прямо напротив моего окна. Когда его жена периодически выгоняет за пьянство, он живет в этом доме. Сидел за распространение наркотиков («Да не кололся я, не кололся!»), с женой уже почти расставались (жили в другом городе), он купил ей с детьми билеты на поезд, провожал на вокзале. Уже в последнюю минуту она ему: «Я тебя не оставляю, бери билет, поедешь с нами!» В доме у него собака, кошка, небольшой огорожок во дворе.

Началась перестройка. Невыплаты зарплаты, исчезновение необходимых товаров, потом появление их по недоступным ценам, сокращение рабочих мест. А у меня двое. Алеша учится в университете в Саратове, в общежитии жить невозможно, снимает квартиру, за нее нужно платить. Павлик – школьник. Обоих надо одеть и накормить. Я уже давно уволилась из воинской части, меняю места работы, чтобы как-то выжить, устраиваюсь еще на одну работу, кручусь, как белка в колесе, помощи нет ниоткуда. Программисты пока нужны, попала в кон со своей специальностью.

Юра иногда забежит: то бидончик вишни принесет, то миску клубники. Кран в ванной сломался, попросила его починить. Вспоминаю наставления сотрудницы Татьяны и смех разби-

рает: «Голова-то болит? Ну что ты бережешь? Все равно все жуки колорадские съедят. Рожать ты уже не будешь. Он придет кран налаживать, а ты сядь перед ним нога на ногу, коленки-то приоткрой!»

А он пришел, возится в ванной, там и одному-то повернуться негде. «Ну что ты, – говорит, – сзади стоишь? Не люблю, когда стоят сзади». И это куда бы я перед ним удрюпалась? В ванну только разве, так обольет еще. И как же я к нему побегу, если мне Павлушку надо спать укладывать? Зашла, кстати, как-то: «Идем, я тебя домой провожу. Мало таких дураков, но я один из них. Мне друг нужен, хороший друг, такой, как ты».

Была потом и близость, хочется иногда себя женщиной почувствовать, не только вьючной лошастью. Он такие удивительные слова произнес: «Когда любишь, и душа на месте». Просто не ожидала услышать такое от него.

А дальше – как обычно. Появляется, если в ссоре с женой, дружки, выпивки, исчезает, если все хорошо. Возится с домом, пытается что-то там строить, крышу ремонтирует. Иногда жена появляется, дом-то перед окнами, мне все видно.

Зашли как-то с другом, тот вдовец, жена умерла не так давно. Бутылку принесли, сидят. Друг дурачится, начал мне руку и сердце предлагать.

– Что же, я подумаю.

Юрка сначала не принимает все всерьез, потом заводится:

– Может быть, и ты возьмешь, с АЦИ?

– Нет, ту мне не надо, а Галина мне нравится. Дом-то нам подпишешь?

Я еще масла в огонь подлила:

– Что же ты врешь-то все время? Сейчас говоришь одно, через пять минут – другое, через десять – совсем третье.

– Ты меня любишь?

– Нет, Юра. Когда ты мне в двадцать лет предложение делал, я что тебе сказала?

Тут он совсем раскипятился:

– На хрен нужны такие друзья!

Схватил одежду, выскочил за дверь. Друг задержался.

– Ты меня всего ничего знаешь, а с Юрой всю жизнь дружишь. Есть ли из-за чего друга терять?

Ушел и этот. Юра позднее рассказал, что подшутить надо мной решили с Советовым. Подшутили.

Мой старший сын закончил учебу, вернулся в Вольск, женился. Я уже снова работаю в воинской части. Слышу о дорожной аварии. Юра с женой и семьей старшего сына торопились на день рождения к младшему. Машину занесло на скользкой от дождя дороге, врезались в фуру. Юра и внук погибли сразу, жена в реанимации в тяжелом состоянии, сын и его жена остались живы. За рулем был сын. В моем сне Юра стоит возле дерева:

– Я буду к тебе приходить

– Нет!!!

Жена умирает тоже.

Дом продали. Новый владелец снес полностью то, что пытался строить Юра, поставил свой крепкий особняк. Ничего не напоминает.

Любила? Нет. А вот встретится, приобнимет на ходу: «Что это ты волосы перестала красить? Мы с тобой еще не старые!» Не встретится. Не приходит.

Аэлита в короне

На сайте «Одноклассники» вдруг появилась моя давняя подруга Оля, с которой мы не встречались и не общались долгие годы. Это заставило меня вспомнить, пожалуй, мой самый веселый школьный год, частично выпускной восьмой класс. Четыре подруги, мы были все время вместе. Вместе ходили на переменах по коридорам школы, постоянно над чем-то смеялись, подшучивали над собой и над другими. Болтали и обменивались записками на уроках, выводя из себя преподавателей. Учились все хорошо, учеба ни у кого особых проблем не вызывала.

В этом году нас впервые стали пускать на школьные вечера с танцами. На эти вечера часто приглашали курсантов военного училища тыла. Оля, высокая, тоненькая, с холодноватыми серыми глазами, всегда пользовалась наибольшим успехом. Один из курсантов сказал ей: «Вы такая необыкновенная! Просто как Аэлита в короне». Насмешница Люда тут же подхватила и переделала это в прозвище «Аэлита в коробке». Себе она выбрала прозвище Шарлотта, Лена захотела называться Королевой Марго, а мне подруги определили прозвище – Та, Что Грезит. Я и тогда была склонна к излишней задумчивости.

А еще мы называли себя именами мушкетеров. Люда была Портосом, Лена – Атосом, Оля – Д'Артаньяном, я – Арамисом. Наше содружество по начальным слогам фамилий называлось ТаПоШаПо, а по фамилиям наших избранников ЛюТюКлоЛа. Причем эти избранники не подозревали о наших симпатиях, дальше переглядывания и хихиканья не заходило. Мой слог Кло в этой аббревиатуре являлся фамилией сына друзей родителей Саша Ключкова. Он был старше меня на два года, учился уже в десятом классе. Его мать очень хотела, чтобы мы встречались, но мы большого интереса друг к другу не проявляли. Ходили пару раз в кино, я ляпнула: «Мне с ним спать хочется», вызвав дружный смех подруг. Но я-то имела в виду всего лишь то, что мне с ним совсем не интересно, засыпаю от скуки. Да и вообще потом выяснилось, что преобладающим у всех был один слог – Тю. Толя Тюрин пришел к нам из другой школы в шестом классе, выглядел старше всех наших мальчишек, проявлял интерес к девочкам, поэтому всем нравился.

В восьмом классе я стала ходить на каток с Олей и Людой, Лена ходила редко. Кататься я не умела, но вдруг выяснилось, что есть желающие меня научить среди мальчишек. Это были друзья нашего одноклассника Толи Мокроусова, сначала один, потом другой. Этот другой Леша Харитонов провожал меня с катка до самого дома. Сначала мы шли всей толпой, но каждый доходил до своего дома, толпа рассеивалась, а мне нужно было идти дальше всех. Леша пытался назначить мне свидание, но я ни разу не согласилась, встречались только на катке. Тем не менее я заставила шутливо хвататься за голову своего брата:

- Кто тебя сегодня провожал? Одноклассник?
- Нет, его друг.
- Так вы же поссорились.
- А это другой.
- Который же!!!

Катались чаще всего парами по кругу. Леша хотел кататься со мной, а подруги специально звали меня наперебой, вызывая его возмущение:

- Сколько же у тебя подруг!

Потом мы сдавали выпускные экзамены, к которым особенно не готовились. Сдавали легко, гуляли по городу, по берегу Волги после каждого экзамена. Мы с Леной стали продолжать учебу в девятом классе, Оля поступила в медицинское училище, а Люда – в технологический техникум. Мы продолжали встречаться на танцах, на катке чаще всего втроем, Лена к нам присоединялась редко.

Дружба оборвалась, когда я уехала учиться в университет, в Саратов. Лена поступила в медицинский институт с первого раза, отошла от нас раньше. Я поступила со второго раза, год еще продолжала встречаться с Олей и Людой.

Вновь я вернулась в свой город через восемь лет. Лена и Люда живут в нашем городе и сейчас, но наша дружба не восстановилась, у меня появилась другая подруга, тоже из одноклассниц. Оля вышла замуж, уехала. Сейчас она в Саратове, я очень хочу с ней встретиться, надеюсь, что получится.

Как-то, возвращаясь с катка, мы заговорили о том, как может сложиться судьба каждой из нас. Люда заявила, что либо выйдет замуж раньше всех, либо не выйдет никогда. Мне Лена предсказала, что я буду выходить замуж два раза из-за своего упрямства.

Люда действительно вышла замуж раньше всех, в восемнадцать лет, потом выходила замуж еще два раза. Детей нет. С кем она сейчас, я не знаю, живет на очень дальней окраине города, давно не встречались. Оля дружила с первого курса училища со своим Славой. Дождалась его из армии, вышла за него замуж, он окончил военное училище, стал офицером. Кажется, его уже нет в живых. Лена вышла замуж за однокурсника в институте. Сейчас они оба живут в нашем городе, врачи, уважаемые люди. Я замуж вообще не выходила, хотя родила и вырастила двоих сыновей, любви в моей жизни хватало. Есть любимый человек и сейчас. Кстати, слог Кло сыграл в моей жизни определенную роль. Фамилия того, кто, как я считаю, сыграл роковую роль в моей жизни, Клочков (не тот, конечно).

Дядя Петя

Мне трудноато разобратьса во всех этих родственньх связях. Лучше всех могла бы объяснить тетя Нина – сестра отца, она почему-то все знала. Но ее нет, спросить не у кого. Отец называл его дядей. Большой, грузноватый, но не рыхлый, с живым, хитрым взглядом темных глаз, он появлялся у нас чаще всего один. Жена, тихая незаметная тетя Катя, почти никуда с ним не ходила. А мы обычно заходили к ним после бани, их двухэтажный деревянный дом был рядом с баней. Родители располагались за столом, мы с братом играли с их детьми – Славой и Женей. Женя старше меня на десять, нет, на одиннадцать лет, Слава моложе на три года. Почему такая большая разница и почему на одной из фотографий дядя Петя сфотографирован вдвоем с Женей и подпись «Круглая сирота» – я не задумывалась. Тетя Нина позднее объяснила: его жена несколько лет сидела в тюрьме за растрату или воровство, он оставался один с дочкой.

Где и как родители покупают продукты и одежду, мы не интересовались. В нашей семье вообще не было принято говорить с детьми о деньгах, считалось, что это развивает жадность. Отец работал учителем, позднее директором школы, мать бухгалтером. Нужды вроде бы не испытывали, одевались простенько, как большинство, мы безропотно ходили в сшитых соседом – сапожником тапочках. Одежда Славы и Жени почти не отличалась от нашей. После дядя Петя стал приезжать на большом мотоцикле с коляской «Урал», чаще всего с сыном Славой, другой такой же мотоцикл, тщательно укутанный брезентовым пологом, стоял у нас в сарае. Мотоциклы и тем более машины имели очень немногие, это считалось признаком особого достатка. И даже имея достаточно денег, купить их было непросто, очереди на покупку дожидались годами. Иметь два мотоцикла – вообще неслыханно! Дядя Петя работал заведующим магазином на территории военного училища тыла. Он и машину мог бы с легкостью купить, но это бы вызвало пристальный интерес: как, откуда, на какие доходы? Надо скрывать! По этой же причине он держит в строгости Женю, не покупает ей лишних нарядов. А она, яркая, красивая, с темными, как у отца, большими глазами уже работает фармацевтом в аптеке, иногда тете Нине недовольство высказывает: «Ну что за люди! Постоянно что-то просят и просят!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.